

...С РУСТАМОМ мы разговаривали после его возвращения из Сибири, куда он ездил к одному своему земляку, человеку, на весь Союз знаменитому. Когда освоение недр Тюменщины станет историей, многое в ней наша память свяжет с ним. Рустам собирается писать об этом человеке, а что именно — не говорит, может быть, не знает еще.

Я слушал Рустама и мысленно прочерчивал линии от белого солнца пустыни к белому солнцу тундры, от песков Апшерона к снегам Самолора; «мир глухой, чего нас кружишь и кого куда заброшишь?»; человек отдаст холодной земле накопленное за долгую жизнь тепло, и эта земля становится ему родной...

— Да нет, — словно угадав ход мысли собеседника, сказал Рустам, — все, что лежит на поверхности, поднимать не хочется.

Несколько лет назад он написал рассказ «Дача». Чрезвычайно прост его сюжет. Старая женщина затевает строительство дачи. Увлеченные нарисованными ею картинками буколической жизни, сыновья, люди, что называется, солидные, с положением в обществе, горячо принимаются за дело, но вскоре выясняется, что времени и средств — в обрез, и есть на свете другие, более важные дела, и сыновья выходят «из игры». Только иногда, движимый жалостью, чувством сыновнего долга, младший приезжает к матери и помогает ей. Делает он это нехотя, удрученный видимой бессмысленностью работы, непонятной одержимостью матери, а еще сильнее тем, что безвозвратно утеряны извечные для их семьи узы духовной близости. Но вот однажды, утомленный зноем, он задремлет, а когда откроет глаза, то увидит рядом с собой мать. Стесняясь — ведь сын уже взрослый человек и отдален от нее большими заботами, — она поднимет его голову с камня и положит к себе на колени. И вот какая мысль придет в те мгновения к Мансуру: «Бывают же ситуации, когда делаешь что-то, что уже давно потеряло для тебя смысл, но продолжаешь делать, потому что люди, которых ты любишь, верят в это дело и не понимают того, что уже понял ты; они ошибаются, с твоей точки зрения, и страдания их беспредельны, но нельзя же бросить их, если ты их любишь. А как их не любить...» Так кончается рассказ, и в этой концовке — начало всего, что напишет потом Рустам Ибрагимбеков. Однако то был первый и последний случай, когда он прямо обнажил, открыто выявил свое отношение к людям, о которых хотел рассказать.

Поначалу мне показалось: он тихо стоит в стороне и, не вмешиваясь в события, наблюдает. Как стоят в стороне и ни во что не вмешиваются герои его повести «На 9-й Хребтовой». А между тем на Хребтовой улице происходят страшные дела. Выходит из тюрьмы шофер Ага-бала, и узнав, что в его отсутствие

В сегодняшнем выпуске — беседа о становлении актера, заметки о произведениях молодого азербайджанского прозаика, стихи молодых белорусских поэтов, фотоинформация о новых фильмах.

жена Сона прижила ребенка от одноглазого «хозяина» пивного ларька Сафарали, убивает его. Убивает на виду у всей улицы, деловито приговоровившейся к убийству. Пройдет еще немного време-

Заметки о творчестве писателя Рустама ИБРАГИМБЕКОВА

ни, и сосед Ага-балы, рабочий-нефтяник Мурад, нанесет смертельный удар своему другу Тофику. И снова уляпа воспримет это убийство как нечто само собою разумеющееся. Именно этим и страшны описываемые в повести события — искаженным, уродливым преломлением своим в сознании окружающих. И именно поэтому читателю, настроившемуся на спокойное восприятие ярких картин быта Хребтовой, они покажутся невероятными. Однако Хребтовая — не вымысел. Были или еще есть улицы, с которых Рустам Ибрагимбеков мог писать свою Хребтовую.

Люди здесь крепко держатся друг за друга. Кто-то умер — хоронят миром. Родился человек или свадьбу играют — вся улица участвует в торжестве. Одиночество незнакомо обитателю Хребтовой. Он мгновенно отзывается на просьбу о помощи. Плохо ему или хорошо — он живет открыто. И гордится собой — гордость, самоуважение основаны на очень простом принципе бытия: человек знает, что он всегда нужен и всегда может быть полезен людям. Это трогает — нерушимая бытовая солидарность и вечный праздник общения. Велика радость от сознания своей неотделимости от соседей. Но также велик страх «сыграть не по правилам». Прекрасные связи людского единения предопределены не только личными симпатиями, всеобщей открытостью своей и чужой жизни — обычаем. А обычай, «адаб» — главный закон общины, клана, улицы — в своих предписаниях нередко заставляет людей действовать

вопреки и наперекор своей сущности.

Ага-бала «смывает кровью» оскорбление не потому, что жесток по натуре, — просто Хребтовая иного не ждет от него. И Мурад убивает Тофика не потому, что не в силах снести «оскорбления семейной чести», — Хребтовая против его воли и сознания предопределяет этот страшный выбор. Окружение, среда оказываются сильнее нравственных устоев личности. А удивительнее всего то, что та же среда, распадаясь на отдельные мирки, в каждом из героев повести предстает нам доброй, любящей и сострадающей, но, объединяясь обычно, добровольно уничтожает в себе человеческое.

Проблема противостояния личности догме широко разработана в азербайджанской ли-

ЭСКИЗ К ПОРТРЕТУ

ВЫБОР ПУТИ

тературе — классической и современной. Ибрагимбеков, во многом сохраняя верность традиции, идет вглубь: «Как бы не проглядеть корни...» Он ищет их там, где в конфликте выявлено взаимодействие личности и среды, где на пересечении токов разной частоты возникает потрясения, подобные тем, что движут людьми Хребтовой.

Правда, в этой повести экзотика, колорит, яркие приметы быта притенили и сузили тему. И читатель может сделать вывод о том, что повесть направлена против предрассудков, против калечащих душу человека условностей и обычаев. Замысел, задача писателя намого масштабнее.

— Как часто, — говорит он, — мы судим о человеке по его поступкам... А ведь они не всегда отражают реальную основу его характера. Человек вступает в схватку — значит, он отважен. Отказывает близнему в помощи — черств и скуп... А на деле он может быть и трусливым, и осторожным, и щедрым, однако поступает вопреки себе. Как и почему происходит такое — вот что больше всего интересует меня...

Мурад из «9-й Хребтовой» принимает решение, которое ему навязывает среда. Он полностью подчиняется ей. А подросток Элик из недавней повести Ибрагимбекова «Забывший август» восстает против окружения, против давящей силы Пахана, вожжа уличной шайки, и тем утверждает себя. Преодолевая давление извне, он преобразует свою нравственную суть. Мурад из «9-й Хребтовой» и Элик из «Забывшего августа» —

герои-антиподы, однако любимые писателем. А между ними, как говорит сам Ибрагимбеков, инженер-кибернетик по образованию, модификации одной генеральной темы: человек в тисках обстоятельств и человек, разрывающий тиски.

После опубликования повести «На 9-й Хребтовой» Рустам выслушал немало противоречивых оценок. Одна из самых суровых: «Вы лишили своих героев перспективы, бросили их в беде». О тенденциях его творчества критики судили по одной вещи. А тенденции, если они берут начало в большой и цельной программе, очевидно, следует рассматривать в развитии, постоянно соотнося с ними жизненные перспективы героев писателя. Уже в следующей своей повести «Деловая поездка» Рустам Ибрагимбеков рассказал о сельском парне Энвере, приехавшем в город, чтобы взыскать долг с обидчика семьи. Ложная нравственная догма предписывает ему не останавливаться даже перед физической расправой, но в последний момент он сумеет отринуть эту непререкаемую догму. Сумеет то, чего не сумел Мурад. Не просто освободится от ложных предостережений о чести, укажет Мураду — уж коли он действительно существует в реальной жизни, — какой выбор мог бы сделать и он.

Рустам Ибрагимбеков весь — в характерном национальном материале, однако только очень близорукий читатель скажет, что исследуемые им проблемы имеют узконациональное значение. Даже в киносценариях — по ним поставлены фильмы «Белое солнце пустыни», «В этом южном городе», «Повесть о чекисте» — он продолжает разговор о том, что равно важно для всех: о преодолении силы, заглушающей в человеке человеческое.

Недавно выпущенный в издательстве «Советский писатель» сборник повестей и рассказов Рустама Ибрагимбекова включает в себя и рассказ «Дача», в котором он признался в любви к своим героям, и другие произведения, в которых он не декларировал своего отношения к ним, а как бы ограничивался констатацией событий их жизни, внешне никак не обозначая своей позиции. Есть в этом сборнике прекрасный рассказ «Урок пения»; в его герое легко узнаешь уроженца Хребтовой, далеко, однако, ушедшего от ее воззрений и правил. Этот характер — шофер, приезжающий в школу навестить сына, с которым разлучен, — представляется мне вершиной образной системы писателя, логическим завершением нравственного роста его героев. И когда всех их увидишь вместе, уже без труда определишь позицию писателя. Она вся — в мужестве, с каким он идет к своим героям и не покидает в радостях и бедах, с каким открывает им их самих, она — в стремлении помочь им сделать единственно верный жизненный выбор.

Т. МАМАЛАДЗЕ.